

ВЗРЫВ
ПРОИЗОЙДЕТ
В
ВОСКРЕСЕНЬЕ

*Рыжеволосый
прицелился и
выстрелил. Дронго
даже не успел
пригнуться. Пули
попали в цель...*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

Связной
из Багдада

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Связной из Багдада

«PEN-клуб»

2005

Абдуллаев Ч. А.

Связной из Багдада / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2005 — (Дронго)

Самодельная атомная бомба изготовлена террористами из радиоактивных отходов, похищенных из хранилища в Казахстане. Где она взорвется, кто заказчики, кто исполнители? У спецслужб нет ответов, нет их и у эксперта-аналитика Дронго. Но он умеет замечать малейшие детали и делать парадоксальные выводы. Он вычислил место взрыва, но этого мало, надо найти исполнителя. Дронго даже не подозревает, что тот совсем рядом и готов устранить любого, кто будет ему мешать. И в первую очередь, конечно, самого Дронго...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев Связной из Багдада

*«Мне снится пуританский небосвод,
Скупые одинокие созвездья,
Как будто Эмерсон на небосвод
Взирает из холодного Конкорда,
А в наших землях преизбыток звезд.
И человека преизбыток. Столько
Династий насекомых и пернатых,
Звездистых ягуаров, гибких змей,
Растущих и сливающихся веток,
Листвы и кофе, капель и песка,
Давящих с каждым утром, усложняя
Свой тонкий и бесцельный лабиринт!
А вдруг любой примятый муравей
Неповторим перед Творцом, избравшим
Его для воплощенья скрупулезных
Законов, движущих весь этот мир?
А если нет, тогда и мирозданье —
Сплошной изъян и тягостный хаос.
Все зеркала воды и полировки,
Все зеркала неистоцимых снов,
Кораллы, мхи, жемчужницы и рыбы,
Маршруты черепахи сквозь века
И светляки лишь одного заката,
Все поколения араукарий,
Точный шрифт, который не сотрет
Ночь со страницы, – все без исключенья
Отдельны и загадочны, как я,
Их тут смешавший. Не решусь изъять
Из мира ни Калигулу, ни лепру».*
Хорхе Луис Борхес.

«О множественности вещей».
Из книги «Золото Тигров»,
перевод Б. Дубин

Глава 1

Его нашли в Италии. Он точно знал, что его не могут и не должны найти. Его итальянского адреса и номера телефона не знал никто. Или почти никто, если не считать Эдгара Вейдеманиса и Леонида Кружкова, так часто и много помогавших ему в Москве. Но существовал еще и третий человек, который не только знал, где и как можно найти Дронго, но был осведомлен и о его семейной жизни, чего тоже не должен был знать никто. Или почти никто.

– Извини, что решил тебя побеспокоить, – услышал Дронго знакомый голос и нахмурился, понимая, что лишь абсолютно невероятные события могли заставить этого человека позвонить.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, кажется, нормальным голосом, стараясь не выдавать своего беспокойства.

– Думаю, что ты догадался. Я хотел бы с тобой срочно встретиться. Как быстро мы можем это сделать?

– Вы же знаете, что я ненавижу летать, – в сердцах пробормотал Дронго. – Мне придется поехать в Рим, взять билет на первый же рейс в Москву, а перед этим еще объяснить Джил, почему я решил так неожиданно оставить ее и детей. Мне будет трудно объяснить почему. Вы не могли бы мне подсказать?

– Не притворяйся. Ты все прекрасно понял, – отозвался собеседник, – если я звоню, значит, дело того стоит. И, думаю, ты понимаешь, что оно безотлагательное. Кстати, летать в Москву тебе пока не надо. Я забыл сообщить, что говорю с тобой из Рима. Так что тебе нужно только сесть за руль автомобиля и приехать в столицу Италии. Кажется, от вашего дома она не так далеко. Хотя я забыл, что ты не любишь ездить за рулем. Прямо скажу, никудашный из тебя Джеймс Бонд.

– Я это знаю, – согласился Дронго и почувствовал, что настроение у него окончательно испортилось. Неужели все так плохо, что его собеседнику пришлось самому прилететь в Рим?

– Между прочим, я завязал, – попробовал пошутить Дронго, – и дал себе слово никогда не встречаться с официальными представителями разведслужб.

– Тогда считай, что я прилетел как твой друг. Ты можешь уделить один час своего драгоценного времени другу?

– Если бы только час, – вздохнул Дронго.

– Ты что-то сказал? – поинтересовался человек на другом конце провода.

– Вам слышалось. Куда мне приехать?

– Отель «Тициано». Это на корсо Витторио Эммануэле.

– Знаю. Не доезжая до Ватикана. Буду через два часа. Кстати, там рядом, у моста, есть неплохой ресторан. Мы можем туда сходить. Как вы относитесь к итальянской кухне?

– Ты заранее хочешь вычислить, есть ли у меня время на разговор с тобой? – понял собеседник. – Ресторан – это нормально. Время у меня есть. Хотя и не так много. Буду ждать тебя в отеле.

– Последний вопрос. Вы один? Или...

– Или. Но можешь не комплексовать. Моего спутника ты хорошо знаешь. И он тебя знает. Вы вместе работали... Между прочим, можешь потребовать двойной гонорар.

– Понятно, – пробормотал Дронго, – вы просто держите меня за горло. Чтобы уважать себя, я должен зарабатывать деньги и не сидеть на шее Джил. И вы умело пользуетесь этим обстоятельством. А если я сейчас положу трубку и никуда не приеду?

– Я буду очень разочарован и сегодня же улечу обратно в Москву. Но это не самый худший вариант.

– А какой самый худший?

– Если приедешь, услышишь от меня, почему тебя так срочно ищут, но если и после этого не полетишь в Москву, тогда и я уже не смогу улететь обратно. Либо с тобой, либо мы оба остаемся в Италии. И мой спутник тоже, хотя подозреваю, его это не очень обрадует.

– То есть мне лучше не приезжать?

– Нет, лучше все же приехать. Встречаемся через два часа в отеле «Тициано». Или «Тициан», так правильнее по-русски.

Дронго убрал телефонный аппарат. Если его собеседник решил на такой перелет, значит, его погнала сюда чрезвычайная необходимость. К тому же он тяжело передвигается, пользуясь палочкой. Интересно, о каком спутнике он говорил? Все равно придется ехать в Рим. И нужно будет попросить водителя Джил, чтобы отвез его в тот самый отель. Так, кажется, он уже начал сходить с ума – забыл, что в такие дела нельзя вмешивать посторонних. Правильно сделать так: вызвать такси, доехать до центра Рима, там пересест в другое такси – и уже на нем подъехать к отелю «Тициан». А еще лучше поменять машину два раза. В таком случае води-

тель Джил не получит случайную пулю в живот, когда решат проверить, каким образом Дронго приехал в Рим. И никто не явится сюда, чтобы уточнить, рассказывал ли водитель кому-нибудь о том, куда именно он возил мужа хозяйки.

Методы спецслужб не изменятся даже еще через тысячу лет. Работая с ними, всегда нужно быть готовым к предательству, неожиданной смене ролей, различным непредвиденным обстоятельствам. Нельзя расслабляться ни на минуту. Хотя все может оказаться гораздо прозаичнее, чем они думают. Возможно, позвонивший прилетел вместе с обычным «исполнителем» или «чистильщиком», как их называют. Или даже с «ликвидатором» – одним из тех внимательных и аккуратных ребят, многие из которых после девяносто первого года остались без дела и потому перешли работать на мафию. В девяностые годы их выстрелы звучали по всему миру – не только в России и странах СНГ. Сколько их, таких умелых парней, осталось в Чехословакии, ГДР, Югославии! Странно, что ни одного из этих государств не осталось на карте мира. Победители стерли их с политической карты мира, как ненужные воспоминания прошлого. А побежденные начали мстить победителям. Все логично и правильно, как и должно быть.

Может, и его в отеле ждут, чтобы угостить хорошей порцией свинцового заряда, после чего Дронго никому ничего не расскажет? Хотя это маловероятно. Во-первых, он не так много знает современных секретов, чтобы его убирать. Во-вторых, достаточно часто помогает своими консультациями и советами, чтобы устранять его, не объяснив причины. Хотя в их деле бывает все, что угодно. О настоящей причине может не знать даже начальник отдела, отдавший приказ на устранение неудобного эксперта. С чего это такие мрачные мысли лезут ему сегодня в голову? Дронго вспомнил, что ему нужно еще предупредить Джил, и, поднявшись с дивана, отправился ее искать.

Через два часа он подъехал к отелю «Тициано». Если бы его ждал кто-нибудь другой, Дронго принял бы обычные меры предосторожности, поменяв в пути машины. Но в данном случае это была совершенно ненужная трата времени. Когда автомобиль мягко затормозил у отеля, он увидел Владимира Владимировича, сидящего на противоположной стороне улицы и приветливо ему помахивающего. Неизменная палочка, на которую он опирался при ходьбе, стояла около него.

Дронго расплатился с водителем такси и начал тут же переходить улицу, но раздавшийся рядом противный скрежет тормозов его остановил. Оказывается, он чуть не попал под машину. Из окна «Форда», замершего буквально в нескольких сантиметрах от Дронго, высунулся водитель и прокричал в его адрес все мыслимые и немыслимые оскорбительные выражения.

– Извините, синьор, – улыбнулся Дронго, – кажется, я переходил дорогу в неполюженном месте.

Затем он медленно пересек оставшуюся часть дороги, сел на каменный бордюр возле Владимира Владимировича и вежливо произнес:

– Добрый день.

– Здравствуй. Ты всегда так переходишь улицу? Однажды доиграешься, собьют. Особенно это немудрено здесь, в Италии.

– Это я волновался перед встречей с вами, – мрачно пошутил Дронго.

– Я так и понял. Следующий раз смотри сначала налево, потом – направо. А в Англии соответственно наоборот. Если ты еще помнишь.

– Хотите послать меня в Англию?

– Нет, просто вспомнил правила дорожного движения, которые различаются в разных странах Европы.

– Учту. Неплохое пожелание долгой жизни. Хотя, как я понимаю, вы приехали сюда, чтобы максимально сократить возможный срок, отпущенный мне книгой Судеб?

– Не стоит так мрачно. Нам нужны лишь твои аналитические способности.

– А я думал, кулинарные, – в сердцах буркнул Дронго. – Итак, в чем дело?

– Появилась серьезная проблема. В Казахстане...

– Только этого мне не хватало! Я люблю казахов, но вы можете мне объяснить, какое я имею к ним отношение? И какое вы имеете к ним отношение?

– Подожди, – перебил его Владимир Владимирович, – все гораздо серьезнее, чем ты полагаешь.

Дронго вздохнул и приготовился слушать.

– Два месяца назад в больницы одного областного центра Казахстана попали сразу трое больных, – начал рассказ Владимир Владимирович. – Врачи сразу определили, что все они получили очень сильную дозу радиации. Спасти не удалось никого. Все трое умерли очень быстро. А через две недели в больницу другого областного центра поступили еще двое похожих больных. Один из них жив до сих пор, хотя находится в крайне тяжелом состоянии. Второй умер несколько дней назад. И опять же врачи установили, что имело место облучение, хотя и в гораздо меньших дозах, чем в первом случае. Можешь догадаться, что все пятеро оказались связаны между собой.

– Ясно, – хмуро отозвался Дронго. – Как я понял, это всего лишь заправка. А поскольку вы пока не назвали городов, дальше, думаю, последует самое интересное. Я просто дрожу от нетерпения.

– А дальше придется вести расследование, – пояснил Владимир Владимирович. – И ты обязан согласиться им заняться еще до того, как я продолжу...

– Кому обязан? И почему? Насколько мне помнится, я не работаю ни на российскую, ни на казахстанскую разведки. Или меня уже зачислили в штат без моего ведома?

– Оставим шутки для следующего раза, – предложил Владимир Владимирович. – Твой гонорар будет удвоен. И мы просим тебя согласиться. Есть много причин, по которым расследование этого неприятного для всех инцидента должен провести именно ты.

– Изложите...

– Сначала мне нужно получить твое согласие.

– Тогда не нужно было говорить о гонораре. Я чувствую себя почти оскорбленным. Хотя сейчас время дикого капитализма. Раньше мне напоминали о чести и совести, о служении Отчизне, а теперь, когда мою Родину разорвали на куски, мне предлагают двойной гонорар. Между прочим, я до сих пор гражданин Азербайджана.

– А мы, между прочим, много раз предлагали тебе звание полковника и гражданство России. Учитывая, что ты живешь в Москве, мог бы и согласиться.

– Я плохо отношусь к людям, которые меняют свои убеждения и гражданство, – пробормотал Дронго. – Я родился в Баку – это мой родной город. И надеюсь, останется таковым до конца моей жизни. А насчет полковника спасибо. Учитывая, что ваш президент всего лишь подполковник, это более чем щедрое предложение. Но я в очередной раз его отклоню. И в очередной раз приму ваше первое предложение. Как я понял, вам нужен именно такой эксперт, как я?

– Да, – кивнул Владимир Владимирович, – между прочим, против твоей кандидатуры не возражают и спецслужбы Казахстана. Там тебя до сих пор помнят.

– Трогательно, – кивнул Дронго. – Теперь продолжайте...

– Мы обязаны были проверить все возможные варианты, – сообщил Владимир Владимирович, – и достаточно быстро выяснили, что все пятеро погибших были связаны между собой. Трое таджиков, один афганец и один узбек, причем двое последних из одного города. Ты понимаешь, что нас заинтересовал тот факт, что все пятеро получили такую сильную дозу радиации. В горах, конечно, фон другой, но не такой, словно они побывали на развороченной атомной станции.

– Может, они герои Чернобыля, которым вовремя не заплатили? – зло поинтересовался Дронго. – Или у вас еще где-то произошла похожая авария?

– Ничего подобного. Мог бы и не спрашивать. Аварии, конечно, не было. Но в Северном Казахстане находилось старое захоронение отходов, законсервированное еще в конце шестидесятых. Там даже не было нормальной охраны. Все давно о нем забыли...

– Но тут кто-то о нем вспомнил, – невежливо продолжил Дронго.

– Да, кто-то вспомнил, – подтвердил Владимир Владимирович. – Сейчас мы проводим проверку. Подключили контрразведки России, Казахстана и Узбекистана. Но нужно учесть, что тогда технологии были не столь совершенны, как сейчас. Накопилось много грязных отходов. Когда после распада Советского Союза подписывался договор о вооружении, было решено вывести все ядерное оружие с территорий Белоруссии, Украины и Казахстана в Россию. Но об этом захоронении тогда никто не вспомнил.

– Тогда о многом не вспомнили, – печально произнес Дронго. – Забыли, например, о Крыме, о вашем Черноморском флоте. Забыли о гражданской войне в Таджикистане, о военных конфликтах в Нагорном Карабахе, Абхазии, Осетии, Приднестровье. У меня может получиться слишком длинный счет к вашему бывшему президенту. И к двум остальным придуркам, которые подписывали это Беловежское соглашение.

– Не нужно, – поморщился Владимир Владимирович, – это уже история.

– А эти ваши пятеро, получившие такую чудовищную дозу облучения, тоже история?

– Нет. К сожалению, нет. Хранилище имело два входа. Основной, который охраняли посты внутренних войск Казахстана, и запасной, о котором многие даже не знали. После распада СССР прошло тринадцать лет, многие документы оказались просто утеряны. Тем более на объект, законсервированный почти тридцать пять лет назад. Там даже нормальной охраны, по существу, не было. Лишь один формальный пост.

– Почему в Казахстане? – не понял Дронго. – Я думал, захоронения ядерного топлива находятся только в России.

– Тогда это был Советский Союз, – терпеливо напомнил Владимир Владимирович. – На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Выбирали удобное место, не думая о том, где оно находится. Кто мог предполагать, что между республиками появятся государственные границы? Тем более в конце шестидесятых. За одно такое высказывание могли посадить в тюрьму. Или в сумасшедший дом. Почему Байконур в Казахстане? Тогда это была единая страна, и могильники размещали не только в России. А теперь получается, что Гагарин и все остальные первые космонавты летали в космос с территории чужого государства. Так пишут в наших учебниках истории. Представляю, что думают наши дети, когда читают эти строки.

– Не нужно было разрушать собственную страну, – отрезал Дронго. – А насчет Байконура я как раз знаю. Тогда для космодрома выбирали такое место, чтобы оно было ближе к экватору. Поэтому и у американцев космодром на мысе Канаверал. Все правильно. Но какой чудак решил размещать ядерные отходы в Казахстане? Или там были не только отходы с атомных станций?

– Сам все узнаешь, – ответил Владимир Владимирович. – На месте получишь всю документацию. Сейчас там работает смешанная комиссия. В общем, нет сомнений, что в том могильнике поработали чужие. И вывезенного ими сырья вполне достаточно для двух «грязных» бомб. Впечатляет?

Дронго повернулся и посмотрел на двух мальчишек, играющих рядом с ними. Обоим было не более десяти лет. И тогда он беззвучно выругался.

Глава 2

Потом они долго молчали. Дронго было нужно осмыслить услышанное. Наконец он, тяжело вздохнув, посмотрел на Владимира Владимировича.

– Спасибо, – поблагодарил он за предоставленную возможность подумать, – такие новости слышишь не каждый день. И где теперь эти «отходы»?

– Они могут быть где угодно, – безжалостно сообщил Владимир Владимирович. – В Москве, в Лондоне, в Вашингтоне... Их могут разместить в Афганистане или в Пакистане, в Астане или в Ташкенте. Они могут оказаться даже здесь, в Риме...

Дронго снова посмотрел на играющих рядом с ними детей. Мальчики увлеченно гоняли по кругу гоночные автомобили, управляя ими с помощью небольших пультов дистанционного управления.

– Так вот почему вы нашли меня, – понял Дронго. – Решили, что я идеальный кандидат для розыска ваших террористов? Или я сразу должен искать эти бомбы?

– Сначала понять, кто и зачем вывез эти отходы, – пояснил его собеседник, – и параллельно начать их поиск. Теперь я скажу, почему мы решили обратиться именно к тебе. Во-первых, твоя кандидатура была согласована на совместном заседании руководителей разведслужб стран СНГ, в том числе России и Казахстана. Во-вторых, придется действовать на южном направлении, возможно, в Афганистане или в Пакистане. Мы не знаем ни маршрута террористов, ни их целей. Но аналитики считают, что при любом развитии ситуации, какой бы маршрут они ни избрали, там будут задействованы и представители местного населения, и наемники. Значит, нужен человек, сочетающий в себе западный рационализм и восточный иррационализм. Ты знаешь другого такого специалиста, кроме себя? Я уже не говорю, что для начала хорошо бы изучить некоторые восточные языки и говорить по-русски. А еще быть специалистом такого класса, как ты. Достаточно или продолжать?

– Всегда хочется узнать о себе что-то новое, – пробормотал Дронго. – Может, еще немного похвалите?

– У тебя есть возможность работать там, где не могут работать другие, – продолжил Владимир Владимирович. – Мы помним, что именно ты ездил в свое время в осажденный Багдад, был в Афганистане и Сирии. Конечно, ты не единственный, но один из самых лучших. В Афганистане сейчас американцы. У них там неплохая агентурная сеть. В Пакистане тоже работают ЦРУ и британская разведка. И все тебя знают. В данном случае не нужно ничего объяснять. Они готовы помогать тебе, понимая, что мы выполняем общее дело. Ты один из самых известных аналитиков в мире. И чтобы ты не очень обольщался, должен тебе сообщить, что, кроме тебя, этим делом будет заниматься очень много людей в разных точках земного шара. Мы уже подключили к нему всех возможных специалистов. И сообщили американцам о нашем возможном выборе.

– Все?

– Нет, не все...

– И... – Дронго повернул голову и посмотрел в глаза своему собеседнику.

Тот выдержал его взгляд.

– Что «и»?

Если бы Владимир Владимирович не усмехнулся, Дронго не стал бы продолжать эту тему. Но тот усмехнулся, и поэтому Дронго улыбнулся в ответ.

– Вы не договорили, – сказал Дронго, – тут должен быть еще один фактор.

– Должен, – согласился приехавший из Москвы гость. – Есть еще одно обстоятельство. Мы считаем, что захват был проведен достаточно профессионально. Спланирован и осуществ-

лен таким образом, что понятно – в операции принимал участие очень подготовленный специалист.

– И вы его нашли?

– Мы подозреваем, что в планировании захвата принимал участие специалист по ядерной энергетике. В течение последних двух месяцев мы старались его вычислить. И если это тот человек, которого мы подозреваем, то положение не просто тревожное, оно – катастрофическое. Это один из создателей атомного оружия в Пакистане. Если мы правы, то он сумеет использовать похищенные материалы для создания такой «грязной» бомбы, что она может «испортить атмосферу» многомиллионного города. И мы не уверены, где она сейчас.

– Больше ничего приятного не скажете?

– На этом все. Тебе надо лететь в Казахстан. Прямо сегодня.

– Это я уже понял. – Дронго в очередной раз посмотрел на играющих рядом с ними мальчишек. Они улыбались. Дети были счастливы.

– Фамилию «специалиста» можете мне сказать?

– Ахмед Парвиз, – сообщил Владимир Владимирович. – Между прочим, он стажировался в Кембридже. Говорят, блестящий специалист.

– И потом вернулся в Пакистан?

– Нет. Потом он уехал в Америку. Работал три года в Спрингфилдском университете. Но в Чикаго у него произошла трагедия. Погибла его жена. Тогда он решил вернуться в Пакистан, где и принял участие в разработке атомного оружия. Затем уехал оттуда...

– Давайте по порядку, – попросил Дронго. – Что у него случилось в Чикаго?

– Несчастье. Мы проверяли через ФБР. Это был обычный грабёж. Его супруга была со своей подругой, когда на них напали двое грабителей. Все могло кончиться гораздо спокойнее, но неожиданно появились офицеры полиции. В перестрелке погибла супруга Ахмеда Парвиза. Возможно, от случайного выстрела. Но он был потрясен этим обстоятельством. Ужасно потрясен. И решил вернуться на родину.

– Вот так формируется образ врага, – прокомментировал Дронго. – Сначала его учат в Кембридже, затем приглашают на работу в США, а потом там убивают его жену... Представляю, как он ненавидит теперь весь западный прогнивший мир. Всю эту цивилизацию. Мотивы ясны. Что дальше? Почему он оставил работу в Пакистане? Там тоже произошло нечто похожее?

– Почти. Его сына едва не арестовали. Семья Парвиза принадлежит к местным шиитам, а там постоянные волнения между шиитами и суннитами.

– Дальше можете не говорить... – Дронго покачал головой. – В этом безумном мире все сошло с ума. Что происходит в Пакистане между суннитами и шиитами, я неплохо знаю. Там уже взрывают мечети друг друга.

– Да, – кивнул Владимир Владимирович, – поэтому мы и позвали тебя.

– Это я тоже понял. Наиболее радикальное крыло в исламе – это суннитские ваххабиты, а им противостоят радикальные шииты, которые просто считают мученичество продолжением нормальной жизни. И самые непримиримые организации в мире – это шиитские ордена мучеников ислама. В Палестине, в Иордании, в Ираке, в Пакистане. И есть только две страны в мире, где эта форма ислама является основной. В Иране и... в Азербайджане.

– Верно.

– И поэтому вы говорили о моем восточном иррационализме?

– И поэтому тоже.

– Почему же вы сразу не спохватились? С тех пор как нашли этих несчастных, прошло два месяца. Так вы сказали. Или больше?

– Немного больше. Сначала никто не мог понять, что именно произошло. Там же недалеко Семипалатинск, думали, это связано с тем самым полигоном, который закрыли еще во

время перестройки. Помнишь, какие были протесты? Иногда там бывали подобные случаи. Появлялись больные, получившие повышенную дозу радиации. Трое первых попали в разные больницы, поэтому никто не придал этому значения. Потом еще двое. Кто-то из сотрудников контрразведки решил проверить, где эти люди могли так облучиться. Пока дело дошло до Астаны, пока проверили все факты, пока связались с Москвой, пока мы все перепроверяли... Словом, прошло много времени... С поправкой на обычную восточную неторопливость.

– И спохватились только сейчас.

– Несколько дней назад. Наши аналитики считают, что у нас нет времени. Груз может находиться в Москве. Или в любом другом городе России. Его могли вывезти за это время куда угодно. Наши эксперты гораздо лучше просчитывают логику западных разведслужб, чем возможные действия террористов с Востока. Там все слишком нерационально. Трудно иметь дело с людьми, для которых сама жизнь не является главным приоритетом.

– Вы знаете, что в восточных странах нет такого понятия, как детективная литература? – неожиданно спросил Дронго. – Я об этом часто думаю. Дело в том, что западная цивилизация слишком рациональна. Все просчитано и прагматично. Они рисуют в своих храмах Христа, рядом обязательно где-нибудь присутствует Иуда, предавший Учителя, и Дьявол, соблазняющий людей. Даже в Сикстинской капелле четко видно, где праведники, а где – грешники. От кого Христос отвернулся, к кому – повернул лицо. А в исламе такого просто не может быть. Любые изображения запрещены. Вера существует на подсознательном уровне. Бог есть Бог, и он всегда прав, а Сатана лишь пытается соблазнить человека. И вера должна быть не в конкретных образах, а в душе. Поэтому детектив, излагающий факты против формально невиновного человека, у мусульман почти невозможен. Здесь чувства и вера играют большую роль, чем формальное соблюдение закона. На Востоке человек не может быть оправдан, если он виновен. Даже если расследование происходило с нарушением каких-то формальных процедур. На Западе человек не может быть признан виновным, если во время задержания и допросов формально были нарушены процессуальные нормы. В первом случае речь идет об убежденности вины, во втором – о формальном следовании закону. И я не уверен, что западный судья всегда прав, когда в силу юридических тонкостей должен оправдывать негодяя или насильника. Хотя помню, что любое сомнение должно толковаться в пользу обвиняемого. Но это уже классика западной юриспруденции.

– Чего в тебе больше? – поинтересовался Владимир Владимирович. – Западного рационализма или восточного иррационализма?

– Всего понемногу. Насколько я помню наш утренний разговор, вы говорили, что у меня будет еще и напарник. Как вы знаете, я не люблю работать вместе с кем-то. Это мешает и отвлекает. А если буду думать еще и о том, как обеспечить его безопасность, то у меня просто не останется времени на работу. Кто этот человек?

– Он ждет нас в отеле, – ответил Владимир Владимирович. – Подозреваю даже, что сейчас сидит в холле и наблюдает за нами...

– Кто это?

– Ты встречался с ним в прошлом году. Мы называем его Профессором.

– Господи, только этого не хватало! – невольно вырвалось у Дронго. – Это же Пьеро!

– Кто? – не понял Владимир Владимирович.

– Я прозвал его Пьеро. Потому что он похож на этот образ из итальянских комедий. Такой отстраненный, всегда печальный и грустный...

Владимир Владимирович улыбнулся и одобрил:

– Хорошую кличку ты ему придумал. Он действительно похож на Пьеро. Только мы не зря зовем его Профессором. Ты ведь знаешь, чем он занимается?

– И даже слишком хорошо. Он – профессиональный ликвидатор. И должен сказать, большой мастер своего дела. Но если вы посылаете его со мной, то, очевидно, считаете, что в живых не должно остаться никаких свидетелей?

– Почти никаких, – великодушно подтвердил Владимир Владимирович, – кроме тебя, разумеется. Он будет послушно выполнять все твои распоряжения. Считаю, что мы просто тебя вооружили.

– Ружьем, которое стреляет само по себе, – прокомментировал Дронго. – Опасно вешать такое «ружье» на стену, оно может стать неуправляемым.

– Не станет, – успокоил его Владимир Владимирович, – это просто не тот случай. Мы будем очень благодарны тебе, если ты выйдешь на похитителей в максимально короткие сроки.

– Сколько у меня времени? Месяц?

– Нет.

– Десять дней, пятнадцать?

– Нет.

– Неделя?

– Еще меньше...

– Не понимаю. Как быстро я должен их найти?

– Их нужно было взять еще вчера, – заявил Владимир Владимирович. – И это не расхожий штамп как свидетельство нашей озабоченности. У тебя всего несколько дней. Три или четыре. По расчетам наших аналитиков, их «бомбы» должны сработать именно за такой период. В ближайшие несколько дней. Но ты должен выйти на них раньше, чем они заявят о своих требованиях.

– Понимаю. А если не заявят? Если их цель – чистый террористический акт где-нибудь в США или Великобритании. Насколько я знаю, похитители самолетов в Америке одиннадцатого сентября не предъявляли никаких требований. Просто захватили самолеты и врезались на них в башни Торгового центра. Абсолютная классика. Террористический акт как законченное произведение террористов. Им нужен был страх, жертвы, развалившиеся здания, потрясение основ. Без всяких переговоров.

– Поэтому мы и считаем, что у тебя есть в запасе лишь несколько дней. Самолет улетает вечером. У меня для тебя есть билет.

– Ненавижу самолеты, – пробормотал Дронго. – Как я полечу из Италии?

– Через Стамбул. У них есть вечерний рейс в Казахстан.

– С вами?

– Нет. С тобой полетит твой напарник.

– Понятно. А у вас есть обратный билет в Москву?

– Ты хочешь узнать, взял ли я тебе билет заранее?

– Да, именно это я и хочу узнать.

– Тогда ты прав. Я был уверен, что ты согласишься. И взял два билета для вас. Я был убежден, что ты не откажешь. После Беслана...

У Дронго потемнело лицо. При воспоминании об этой страшной трагедии его начинало трясти. Любой нормальный человек не может спокойно говорить об этой чудовищной трагедии начала двадцать первого века.

– У меня столько друзей среди осетин, – поделился он, – и среди ингушей тоже... – Дронго опустил голову, закрыл глаза правой рукой, – одну семью, в которой погиб ребенок, я лично знал. До сих пор не могу поверить, что такое могло случиться... – Он опустил руку. – Чувствую себя виноватым. Как будто и я должен был стоять перед этой школой, пытаюсь помочь детям. Как и все остальные. – Дронго еще раз посмотрел на играющих рядом мальчишек. – «Я в ответе за всю красоту мира», – сказал один из английских королей, – напомнил он. – Они лучше понимали свою меру ответственности. И еще... вы же знаете про меня почти

все. Москва – мне такой же родной город, как Баку. И знаете, сколько у меня друзей и знакомых в этом городе. Думаю, знаете и сколько среди моих знакомых чеченцев. И если выяснится, что эти «отходы» вывезли в Москву, то я сделаю все, чтобы их найти. Найти и уничтожить тех, кто это сделал. Или хочет сделать. – Он отвернулся. Помолчал и добавил: – И насчет войны тоже скажу. Я никогда не оправдаю ни одного убийцу. Ни русского, ни чеченца, ни ингуша, ни осетина. Ни одного. В божий суд я не очень-то верю. Каждый должен получить по заслугам еще в этой жизни. Но если вам интересно мое мнение, то могу сказать. Не нужно было начинать эту проклятую войну. Ее невозможно выиграть. Ее можно только остановить. И победа в ней тоже невозможна. Иначе придется убить всех чеченцев. Всех, до последнего человека.

Владимир Владимирович положил руку ему на плечо.

– Не нужно больше ничего говорить, – посоветовал он, – я и так все знаю. И я не сомневался, что ты полетишь. Даже если бы я не приехал за тобой в Рим.

Глава 3

Они вылетели в Алма-Ату в пять часов пятнадцать минут вечера по стамбульскому времени. «Аэробус-310» взял курс на бывшую столицу Казахстана. В салоне бизнес-класса находилось лишь несколько пассажиров. В третьем ряду рядом с Дронго сидел его спутник. У него было худое, вытянутое лицо, печальные глаза с опущенными уголками бровей, узкий нос, нависший над тонкими губами. Внешне этот человек был похож на неудачливого музыканта или поэта. Если не знать, что он был профессиональным «ликвидатором». Считалось, что к сорока годам человек имеет такое лицо, какое заслуживает. Но у «Профессора» было лицо нервного интеллектуала, а не хладнокровного убийцы. Может, поэтому он считался лучшим в своей среде.

Дронго не любил сидеть у окна, поэтому с удовольствием уступил это место напарнику, который задремал, едва оказался в кресле. До места назначения было чуть больше пяти часов полета. Через полтора часа начало ощутимо трясти, и недовольный Дронго выпил два бокала вина, чтобы немного расслабиться. Тряска продолжилась, и тогда, поднявшись, он прошел в коридор между салонами, где стюардессы готовили тележки с едой и напитками для пассажиров.

– Вернитесь на свое место и пристегнитесь ремнями, – попросила одна из них, обратившись к нему по-английски.

– Разумеется, – согласился Дронго. – Кстати, можете говорить со мной по-турецки, я все понимаю, – добавил он, возвращаясь в первый салон.

Пьеро открыл глаза, когда он усаживался рядом с ним, и снова закрыл их. У этого человека было поразительное чувство «волка». Он умел чувствовать приближение постороннего. Дронго подумал, что они в этом похожи. Он также чувствовал присутствие постороннего и спал чутким сном, просыпаясь от любого перемещения другого человека рядом с собой. Более того, слышал во сне все, что происходит рядом с ним. Именно поэтому почти никогда не мог заснуть в присутствии другого человека, даже если это была Джил.

Над Каспийским морем снова затрясло и включилась табличка с предупреждением пассажиров о турбулентности. Дронго недовольно нахмурился. Этого следовало ожидать. В этой части акватории всегда сильные ветры. Триста дней в году. «Если так пойдет и дальше, я буду передвигаться только на поезде, – раздраженно подумал он. – Хотя на каком поезде доедешь за один день из Рима до Алма-Аты? Из Рима до Москвы нужно три дня трястись в поезде через все европейские границы, а потом еще четыре дня до Казахстана. За это время террористы успеют несколько раз сделать то, ради чего они полезли в это хранилище».

Когда самолет перелетел через Каспийское море, тряска прекратилась и приветливая стюардесса спросила, не желают ли пассажиры кофе. Пьеро не ответил, а Дронго попросил принести ему европейский чай с лимоном. Дело в том, что турецкий чай слишком крепкий.

Дронго вытащил ручку и достал блокнот. Хищение отходов произошло почти два месяца назад. И, судя по всему, похитителей не предупредили об особой опасности в обращении с зараженными материалами. Это похоже на террористов. Они пренебрегают не только чужими жизнями, им одинаково безразличны и жизни их сообщников.

Владимир Владимирович сказал, что всю документацию ему выдадут на месте. И не назвал место нахождения захоронения. Но его можно вычислить. Он говорил, что они ошибались, подозревая, что эти больные – остаточное явление полигона у Семипалатинска. Можно вспомнить карту Казахстана. Ядерные захоронения не делали вблизи границ, это невозможно. Отходы вывозили в глубь страны. Пустынные области на северо-западе Казахстана можно исключить. Там рядом много крупных городов на Волге. Остаются северные и северо-восточные области. Семипалатинск находится на северо-востоке. Когда умеешь слушать, многое

услышишь. В этой части страны можно было разместить не только ядерный полигон, но и хранить отходы с атомных станций.

Дронго поставил точку и обвел ее кружком. Конечно, оттуда этот груз удобнее всего везти на север. И может получиться, что вся эта операция была затеяна для того, чтобы устроить грандиозный террористический акт в Москве или в каком-нибудь крупном российском городе. Если он правильно помнит, там поблизости Новосибирск. И еще... Омск. Как хорошо, что он любил в школе географию! Преподававший географию директор школы был от него в полном восторге. Дронго закрыл глаза. Он вспомнил, как ему нравилось изучать карту, путешествуя по незнакомым маршрутам. Названия экзотических стран, далеких городов, бурных рек – все это тогда казалось немного нереальным и поэтому почти сказочным. Разве он мог предположить, что сумеет посетить большинство этих фантастических мест, о которых тогда мог только мечтать. А теперь вот кто-то решил, что одно из таких мест нужно уничтожить.

Дронго провел от круга линию наверх, на север. Такое предположение возможно, но оно не бесспорно. Террористический акт где-нибудь в крупном российском городе будет настоящей трагедией. Но только в том случае, если этот террористический акт планируется исключительно против России. В Москву они могут не сунуться – просто не доедут, учитывая меры охраны, которые сейчас задействованы при подъездах к столице. Тогда террористический акт в крупном городе.

Он задумался. А если выбран маршрут на юг? В Афганистан? Это нереально. Зачем устраивать такой террористический акт в стране, где американские войска рассредоточены по огромной территории? В лучшем случае можно уничтожить несколько сот американских военных и несколько миллионов афганцев. Как ни цинично это звучит, но погибнут миллионы невинных людей. Террористов это, конечно, не остановит. Но цель не та. Слишком грозное оружие. Тогда Пакистан? Тоже непохоже. Консультантом был пакистанский ученый. При всем антагонизме к суннитам, он не устроит такого чудовищного злодеяния в своей собственной стране. Индия? Очень может быть, особенно если в деле замешаны спецслужбы Пакистана. Грандиозное побоище в Индии. Среди погибших будут миллионы индусов и миллионы мусульман. Если бы сейчас шла война, такое предположение было бы возможно, но в настоящий момент у них отношения гораздо лучше, хотя и не столь хорошие.

Дронго перечеркнул южную линию. Остается западное направление – американские города, крупные европейские столицы и...

Он вдруг вспомнил, как во время поездки в Израиль в прошлом году встречался с одним из специалистов по международному терроризму. Этот генерал произвел на него впечатление своей осведомленностью. Между прочим, он прямо так и сказал: «Пока происходят мелкие террористические акты на автобусных остановках и у наших блокпостов. И мы понимаем, что, несмотря на весь ужас происходящего, это всего лишь отдельные мелкие террористические акты. Мы пытаемся блокировать эти вылазки террористов, и они очень болезненно воспринимаются в нашем обществе, но мы сознаем, что пока сталкиваемся лишь со смертниками, убивающими наших людей. Мы боимся другого – настоящего мегатерракта. Как боялись ракет Саддама с биологическим или химическим оружием».

Дронго написал рядом: «Израиль». Наиболее вероятное направление появления там ядерного оружия. Его можно разместить в любом палестинском городке или в селе. Оно убьет всех живущих в этом селе, но и причинит невероятный вред окружающей территории, всем городам. На такое террористы могут пойти – это вполне возможный вариант.

Где еще? Конечно, крупные американские города. Ясно, что такой террористический акт будет настоящим потрясением основ, если он произойдет в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне или Лос-Анджелесе. Последний город можно исключить. Он размазан по огромной территории – в нем террористический акт не будет столь эффективен. Господи, какие страшные мысли приходят в голову! Именно поэтому он исключил и российские города. Как акт устрашения

ядерный взрыв там, конечно, возможен, но все знают, что после Беслана ничем более страшным людей уже не испугаешь и не удивишь. Можно вызвать лишь обратную реакцию – начнутся массовые погромы.

Дронго поставил вопрос у северной линии и написал лишь одно слово «Москва». Затем добавил «Нью-Йорк» и «Вашингтон». Бостон можно убрать. Во время событий одиннадцатого сентября оттуда, кажется, вылетели два самолета, захваченные террористами, но это вотчина демократов, которые так решительно критикуют республиканцев. Если зачеркнуть Бостон, останутся три крупных американских города. И не исключено, что Израиль. Сектор Газа. Или Хеврон. Возможно, Тель-Авив, но, конечно, не Иерусалим, в котором происходит так много террористических актов. На такое никто не решится. В Иерусалиме находятся святыни сразу трех религий, и устроить там нечто подобное – значит восстановить против себя одновременно верующих всего мира: христиан, мусульман, иудеев. Надо быть абсолютным безумцем, чтобы пойти на такое. Хотя разве можно считать террористов нормальными людьми? Они все немного безумны. Или очень много – это вечно спорный вопрос.

Остается Европа. Испанию можно убрать, после трагических событий в Мадриде она вывела свои войска. Париж и Берлин исключаются сразу, французы и немцы всегда призывают к диалогу с мусульманской цивилизацией и были против вторжения войск коалиции в Ирак. Эти государства вообще демонстрируют всему миру пример подлинной толерантности, принимая миллионы людей другой веры, открывая свое общество для иных идей. Дронго вспомнил, как ему рассказывали историю бывшего канцлера Германии Гельмута Коля, сын которого полюбил турецкую девушку. По строгим канонам, существующим в турецкой семье, отец жениха обязан просить разрешения на брак у отца невесты. И тогда канцлер Коль, один из самых известных в мире политиков, лидер крупнейшей страны Европы, прилетел в Турцию, чтобы просить руки девушки для своего сына. Не все способны на такой символический жест. А немцам в этом отношении еще труднее, у них был такой опыт нетерпимости во времена фашистского режима. Может, поэтому их бывший канцлер Брандт встал на колени перед погибшими узниками концлагерей в Польше, а нынешний канцлер Шредер решил усыновить ребенка из детского дома Санкт-Петербурга? Среди крупных городов в Европе выделяются два – Лондон, как главный союзник американцев в Европе, и... Рим. Разумеется, Рим, поддержавший вторжение американцев в Ирак. Дронго чуть не задохнулся от волнения. Конечно, Рим находится достаточно далеко от места, где живет его семья, но если это случится, никто не сможет гарантировать безопасность ни Джил, ни его детям.

Итак, в особой опасности пять городов. Два – в Америке, один – в Великобритании, по одному – в Италии и России. Рим может прельщать террористов еще и потому, что там резиденция папы римского, и потому, что сам Вечный город – символ западной цивилизации. Пять городов и вся территория Израиля – основные объекты для возможного террористического акта, при котором террористы не станут предъявлять никаких требований, постаравшись провести свой мегатеракт как можно быстрее.

Дронго покосился на дремавшего Пьеро. А если он ошибается? Вдруг террористы готовятся совершить свое злодеяние, например, в Ташкенте, где уже было столько взрывов, или в Душанбе, где однажды победили правительственные войска, изгнав оттуда оппозицию? Нет, нет и нет! В Душанбе уже вернулись представители оппозиции, а в Ташкенте непримиримые рассчитывают на местное население, среди которых есть их приверженцы. Они не пойдут на такой бесчеловечный поступок. Нужно очень ненавидеть цивилизацию и тот город, в котором они вознамерились это сделать. Стоп. А ведь он знает город, который может ненавидеть Ахмед Парвиз. Это Чикаго. В нем погибла его жена. Так что в список можно внести и Чикаго. Хотя те, кто финансировал задуманную операцию, разумеется, менее всего думали о чувствах ученого. Но все-таки интересно, где похоронена его жена? Нужно узнать это как можно быстрее. Дронго осторожно дотронулся до своего напарника, и тот сразу открыл глаза.

– Вы не знаете, где похоронена супруга Ахмеда Парвиза? – спросил Дронго.

– Какого Парвиза? – не понял Пьеро.

– Того самого пакистанского ученого?

– Моя задача помогать вам и устранять причины, мешающие вашему расследованию, – напомнил напарник, – а все остальное мне знать не нужно.

– Ясно. У вас удобная позиция.

– Очень. Так спокойнее. Вы еще хотите что-нибудь спросить?

– Спасибо. Пойду поищу телефон. В самолетах «Люфтганзы» обычно устанавливают телефоны, с которых можно поговорить по кредитной карточке. Вы не знаете, здесь есть такой телефон?

– Понятия не имею, – попытался закрыть глаза Пьеро.

– Подождите, – снова остановил его Дронго, – как мне вас называть? Профессором слишком претенциозно, хотя внешне вы больше похожи на Пьеро.

– У меня документы на имя Николая Ивановича Дубова, – сообщил Пьеро, – но можете меня называть, как вам нравится.

Этот профессиональный убийца имел уравновешенный, спокойный характер. Казалось, его невозможно обидеть или вывести из себя. Впрочем, почему казалось? Все, кто пытался ему помешать, давно находятся на небесах. Может, поэтому он такой уверенный в себе и незлобивый?

Дронго вызвал стюардессу.

– У вас в салоне есть телефон? – спросил он.

– Нет, – удивилась она. – У нас не разрешено звонить по телефону из самолета.

– Извините. – Дронго написал слово «Чикаго» и поставил рядом с ним вопрос.

Затем снова посмотрел на свою схему. Если все правильно, то террористы должны были продумать, каким образом вывезти эти отходы из Казахстана. Через южную границу, рискуя нарваться на несколько пограничных постов? Чтобы попасть в руки американцев, находящихся в Афганистане? Нет, это самый худший вариант. Тогда получается, что они воспользовались либо железной дорогой, либо самолетом. В первом случае Москва – наиболее реальный объект. Во втором – груз могли отправить в Европу. До Америки оттуда далековато, и вряд ли самолет мог лететь туда без посадки в промежуточных аэропортах. Впрочем, сейчас возможна любая невозможная вещь. В таком сумасшедшем мире мы живем. Кто мог представить, что двадцать первый век начнется одиннадцатого сентября падением двух башен Всемирного торгового центра, а потом будут война в Афганистане, непрекращающаяся бойня в Ираке, многочисленные террористические акты в Израиле и России, трагедия в Мадриде и, наконец, Беслан? Не слишком ли много всего лишь для четырех лет нового века?

Самолет наконец пошел на посадку, и через двадцать минут они уже выходили из лайнера. После обретения независимости многие города, области и страны поменяли названия, сделав их труднопроизносимыми, словно устраивая некий конкурс на самое нелепое название. Именно поэтому Таллин стали писать с двумя «н», Башкирия превратилась в Башкортостан, а прежний город Алма-Ата стал Алматы. Хотя можно привести и другие примеры. Столицей Киргизии долгое время был город Фрунзе. Учитывая, что киргизы не выговаривали букву «Ф», столицу собственного государства они произносили как «Прунзе». Таких примеров грамматического идиотизма можно припомнить сколько угодно. Совершенно понятно, что любая страна имеет право давать любые названия своим городам и областям, а другая – произносить их в соответствии с лексическими нормами своего языка. Так, например, привычные для русского языка Китай, Венгрия или Эквадор сами китайцы, венгры и эквадорцы произносят как Чайна, Хунгария, Эукадор.

В аэропорту их ждали. Двое мужчин пожали руку Дронго и проводили его в приготовленную для встречи комнату. Очевидно, эти двое знали, что его напарник всего лишь исполнитель,

и поэтому его туда не пригласили. Один мужчина с характерной восточной внешностью представился как Кенжетаев Савутжан Шарипович, другой назвался Решетилковым Юрием Васильевичем. Обоим было лет по пятьдесят. Оба так испытывающе смотрели на Дронго, словно решали, можно ли ему доверить столь серьезную миссию.

На стол поставили чай. Встречающие мужчины молчали, очевидно, ожидая кого-то третьего. Дронго решил не задавать лишних вопросов.

– Вам уже рассказали о том, что у нас случилось? – спросил наконец Кенжетаев.

– Да, – коротко ответил Дронго. – А вы случайно не знаете, где похоронена супруга Ахмеда Парвиза?

– Этого пакистанского ученого? – уточнил генерал Решетилков.

– Он похоронил ее в Чикаго или привез тело на родину?

Решетилков удивленно посмотрел на своего коллегу. Кенжетаев пожал плечами. Этот вопрос оба генерала себе не задавали. Он их просто не интересовал.

– Узнаем, – буркнул Кенжетаев. – Сейчас придет руководитель специальной группы.

– Как вообще могло произойти такое, что кто-то залез в этот могильник? – задал новый вопрос Дронго.

На этот раз Кенжетаев посмотрел на своего российского коллегу, предоставляя право ответить ему.

– Состояние бардака, которое длится вот уже пятнадцать лет, – в сердцах произнес Решетилков.

– Мы даже не предполагали, что там кто-то может появиться, – добавил Кенжетаев. – Нам казалось, что эти отходы надежно погребены на большой глубине. Кто в нашей стране мог об этом помнить? У нас ведь нет ядерного оружия. Там был обычный пост внутренних войск. Мы даже собирались убрать его оттуда.

– Каким же образом террористы проникли в хранилище?

– Они использовали запасной вход. Можете себе представить, каким старым было это захоронение? Запасной вход в него даже не охранялся. В общем, это стало полной неожиданностью для всех нас, – развел руками Кенжетаев.

– Только не для террористов, – напомнил Дронго. – Уже известно, кто снабдил их информацией?

Кенжетаев опять посмотрел на Решетилова.

– Проверяем, – недовольно буркнул тот.

Дверь открылась, и в комнату вошел красавец мужчина, на вид лет тридцати пяти – сорока. С первого взгляда было ясно, что в нем перемешано множество кровей – серые глаза, высокий рост, восточные скулы. . . В руках он держал папку.

– Извините, – негромко произнес вошедший, – у нас все готово.

– Хорошо, – кивнул Кенжетаев. По-русски он говорил без акцента, очевидно, в молодости учился в известном московском краснознаменном институте, где готовили разведчиков. – Это наш сотрудник, – пояснил он Дронго, – подполковник Мукан Бадыров. Он руководит оперативной группой, которая занимается этим делом.

Бадыров кивнул гостю. Дронго он понравился. Сдержанный, воспитанный, наблюдательный. Дронго обратил внимание, как подполковник вошел, как мгновенно огляделся и выбрал место, откуда хорошо мог видеть всех присутствующих.

– Здравствуйте, – сказал ему Дронго, – у меня к вам сразу есть вопрос. Вы не знаете, где похоронена супруга Ахмеда Парвиза?

– Мы тоже этим интересовались, – ответил Бадыров, и Дронго понял, что этому серьезному человеку можно доверять. – Нам показалось, что он может ненавидеть Чикаго до такой степени, что попыбует переправить груз именно туда. Но он похоронил жену именно там, в Чикаго, мы проверили.

– Спасибо, – кивнул Дронго, – мне нужно было это знать.

Кенжетаев и Решетиллов переглянулись. Генералам не понравилось, что у них не было ответа на вопрос, который им задал этот эксперт. Поэтому им одинаково пришлось не по душе и осведомленность подполковника. А еще больше – сам этот непонятный эксперт, который начал с того, что поставил их в неловкое положение. Люди не любят, когда им задают вопросы, на которые у них нет ответов.

– Понимаете, что произошло, – Кенжетаев решил, что нужно сразу показать, кто здесь главный, – никто не мог даже подумать, что это хранилище, этот, если хотите, – могильник, принесет нам столько неприятностей. Теперь мы пытаемся вычислить, куда могли вывезти отходы. И судя по заболевшим, их транспортируют, не считаясь с жертвами...

Он опять выразительно посмотрел на своего коллегу, словно нуждался в его поддержке. Тот согласно кивнул.

– Наши аналитики стараются разобраться в случившемся, – сообщил Решетиллов. У него было широкое лицо, редкие рыжеватые волосы и большие мешки под глазами. Очевидно, он уже давно нормально не высыпался. – Судя по тому, как погибают исполнители, организаторов этого террористического акта совершенно не беспокоит, что он повлечет за собой многочисленные жертвы. И плюс к этому мы имеем Ахмеда Парвиза, несчастного ученого, получившего несколько ударов судьбы и поэтому возненавидевшего весь мир.

– Вы, очевидно, представляете два разных ведомства? – понял Дронго.

– Да, – ответил Решетиллов, – я генерал Федеральной службы безопасности России, а мой коллега руководит местной контрразведкой. Мы решили, что будет правильно, если мы объединим наши усилия.

– Что говорят ваши аналитики? – поинтересовался Дронго. – Какие объекты могли выбрать террористы для нанесения удара?

Решетиллов посмотрел на Бадырова, и тот, достав листок бумаги, положил его перед Дронго. В нем было только пять слов. Дронго невольно нахмурился, прочитав названия пяти городов:

«Москва, Вашингтон, Лондон, Рим, Тель-Авив».

Пять городов, в которых могут оказаться террористы. Пять городов. Он полез в карман и, достав свой список, положил его рядом. Бадыров и оба генерала, убедившись в их несомненном сходстве, удивленно переглянулись.

– Вы подготовили идентичный список? – произнес Кенжетаев. – Наверное, это хорошо. Хотя аналитики обеих спецслужб считают, что Нью-Йорк из него можно исключить. Сработает некий стереотип, по которому террористы не станут во второй раз наносить удар по одному и тому же месту. Хотя бы потому, что сейчас Нью-Йорк охраняется лучше других городов. Они полагают, что теперь атаке террористов подвергнется скорее всего Вашингтон. Если помните, одиннадцатого сентября Пентагон почти не пострадал, не считая одного его крыла, а в самом Вашингтоне не было никаких разрушений. Четвертый самолет, который должен был врезаться либо в Белый дом, либо в Капитолий, потерпел аварию в Пенсильвании.

– У вас есть предположения, куда могли вывезти груз? – поинтересовался Дронго.

Кенжетаев взглянул на Бадырова.

– Да, – кивнул тот, – мы работаем над этой проблемой уже почти две недели.

– И есть результаты?

– Есть, – ответил подполковник, – я привез все материалы. Покажу их вам в самолете. Мы вылетаем через полчаса.

– Опять вылетаем? – У Дронго испортилось настроение. – Сейчас половина третьего ночи. Куда на этот раз?

– В Павлодар, – сообщил Кенжетаев, – самолет нас уже ждет. Хранилище находилось на северо-востоке нашей республики.

– И, учитывая расстояния, мы должны лететь туда ночью, – покорно согласился Дронго.

– Вы не любите летать? – любопытно спросил удивленный Решетилов.

– Обожаю, – буркнул Дронго, – просто мечтал стать летчиком. – И заметил, как улыбнулся Мукан Бадыров.

Глава 4

Перелеты на этом не закончились. В аэропорту Павлодара их ждали два вертолета, которые, как только они в них пересели, взяли курс на север к небольшому поселку Успенка примерно в семидесяти километрах от города. Дальше на север идут непроходимые болота, но именно в них и оказалось спрятано хранилище, о котором на многие годы забыли. В Успенке располагался взвод внутренних войск, который обеспечивал его охрану. На дежурство ежедневно выходило пять-шесть человек во главе с офицером и сержантом. Эти люди даже не знали, что конкретно они охраняют. Некоторые считали, что единственную атомную бомбу, оставшуюся в Казахстане. Другие полагали, что штаб объединенного командования среднеазиатских войск. Третьи всерьез уверяли, что здесь обнаружили базу НЛЮ. В общем, никто ничего толком не знал, хотя службу военные несли исправно. Но однажды к ним приехали проверяющие – генералы и офицеры. И разразился скандал. Всех офицеров, обеспечивающих дежурство, снимали с их должностей, всех солдат арестовали. Проверяющих понаехало больше, чем в Успенке служило мужчин. Начались допросы. Учитывая, что отсюда до границы с Россией всего около сорока километров, никто не удивился, что среди приехавших было много российских офицеров и даже два генерала.

Когда же появились врачи, жители Успенки всерьез поверили, что на болотах нашли базу НЛЮ. Правда, говорили об этом шепотом, чтобы не раздражать понаехавших важных начальников. Поселок оцепили, никому не разрешили выезжать за его пределы, даже руководителю местной администрации.

Вертолеты приземлились недалеко от хранилища, далее они отправились на нескольких джипах. Уже подъезжая к объекту, Дронго обратил внимание на старый шлагбаум, выцветший от времени. Последние тридцать лет его явно не обновляли. Будка постовых почти развалилась. Кенжетаев, перехватив взгляд эксперта, отвернулся. Кто же мог подумать, что эти отходы надо тщательно охранять, в который раз мысленно оправдал его Дронго.

Они подъехали к самому хранилищу. Покосившаяся металлическая дверь на его поверхности даже не закрывалась до конца, оставляя широкие щели. Дронго, стараясь не смотреть на злое лицо казахстанского генерала, первым полез внутрь. За ним последовали остальные. По лестнице пришлось спускаться довольно долго – минут семь или восемь. В небольшой комнате перед другой дверью сидел дежурный офицер. Это был явно не тот офицер, который мог дежурить здесь до случившегося. Он был в новой форме, гладко выбрит и, совершенно очевидно, уже ждал гостей. Увидев Кенжетаева, привычно ему отрапортовал. Генерал отмахнулся, сейчас было не до этого.

– Пройдем дальше? – спросил он.

– Зачем? – пожал плечами Дронго. – Мне и так все понятно. Давайте поднимемся наверх и посмотрим второй вход. Не понимаю: для чего его делали?

– Тогда всё так строили, – недовольно пояснил Решетилов. – Мы подняли документацию шестидесятих годов. Все подземные объекты должны были иметь два входа. Основной и запасной. Таковы были правила. Мы в России потом их пересмотрели, и все запасные входы и выходы в могильниках закрыли. А здесь не успели. Просто забыли. Кто мог вспомнить об оставшихся отходах в Казахстане? Конечно, их нужно было вывезти вместе с нашим ядерным оружием...

– Они шли по ведомству разных министерств, – пояснил Кенжетаев. – Ядерное оружие находилось в компетенции Министерства обороны, отходы с атомных станций – в распоряжении Министерства атомной энергии, а хранилища сооружались под эгидой Министерства общего машиностроения. В общем, полная неразбериха. Кто мог предположить, что этот

могильник о себе когда-нибудь напомнит? Мы собирались засыпать его землей, а вокруг сделать охранную зону, не привлекая к ней лишнего внимания.

Подниматься наверх было еще сложнее, чем спускаться. Оба генерала задохнулись. Дронго вежливо пропустил их вперед, чтобы приноровиться к их темпу. Когда вышли на свежий воздух, генералы, не стовариваясь, сразу сели на землю.

– Пойдемте, – предложил Дронго. – Нужно осмотреть второй вход.

Решетиллов обреченно махнул рукой и поднялся первым. За ним поднялся более грузный Кенжетаев. На джипах они объехали болото, под которым находилось хранилище. У второго входа ничего не было заметно, если не считать, что теперь сотрудники контрразведки установили тут наблюдательный пункт. Увидев знакомые лица, офицеры выстроились на небольшой поляне.

– Покажите нам это место, – зло приказал Савутжан Шарипович.

Один из офицеров, нагнувшись, открыл люк – второй вход в хранилище.

Дронго глянул на тучного Кенжетаева и его российского коллегу.

– Не возражаете, если мы полезем вдвоем? – спросил он. – Я и подполковник Бадыров?

– Идите, – махнул рукой Кенжетаев. Ему явно не хотелось еще раз лезть под землю.

Решетиллов просто отвернулся. Пьеро, стоящий чуть в стороне, тоже не изъявил желания следовать за своим напарником.

Дронго и подполковник Бадыров начали спускаться вдвоем. И если у первого входа была еще нормальная лестница, то здесь приходилось рассчитывать на руки и ноги одновременно.

– Вероятно, они доставали бочки, привязав к ним веревки, – предположил Бадыров. – На некоторых перилах стерта краска.

– Какой здесь фон?

– Нормальный. Радиация есть, но не сильная. Скорее всего уже где-то в пути произошла разгерметизация. Ничего удивительного, эти бочки столько лет пролежали под землей и не предназначались для новой транспортировки.

– Сколько же бочек украли?

– Семь или восемь. Может, шесть. Но все равно много. Очень много. Сейчас мы это уточняем, проверяем по спискам.

– Кто вы по образованию? – остановился Дронго, чтобы отдышаться.

– Физик, – ответил Мукан Бадыров, – я учился в Ленинграде, закончил институт с красным дипломом в восемьдесят девятом и сразу оказался без работы. А в девяносто первом мне предложили работу в контрразведке, я и согласился.

Они шли по коридору. Вокруг пахло сыростью и гнилью. Под ногами хлюпала вода.

– Жалеете? – спросил Дронго.

– Нет, – отрезал подполковник. – Кому-то нужно этим заниматься. Нет, не жалею. – И, немного помолчав, сменил тему: – Сегодня должен прилететь академик Селихов. Он был на научной конференции в Китае, вернулся в Москву, а сейчас летит в Павлодар. Надеюсь, вечером мы с ним встретимся. Он должен просчитать эффект от возможной разгерметизации груза. И у него есть свои предположения о том, как его могут использовать. Я уже предупредил сотрудников моей группы.

– Много у вас людей?

– Четверо. Но нам обещали поддержку. На самом высоком уровне. Между прочим, американцы уже знают о случившемся. Мы хотели скрыть, но они знают. Подтвердили через свою агентуру, что Ахмед Парвиз бесследно исчез из Пакистана. Я думаю, в ЦРУ берут на контроль всех специалистов, которые имеют или могут иметь отношение к ядерному оружию. Особенно мусульман.

– А вы не мусульманин? – улыбнулся Дронго.

– Вообще-то я агностик, – признался Бадыров, – но по рождению и по принадлежности к своему народу, наверно, да. Хотя бабушка у меня немка. Значит, я на четверть протестант, а на три четверти – мусульманин.

– Можно купить любого ученого, – заметил Дронго. – Хотя боюсь, что Ахмед Парвиз держится на другой страсти – на ненависти к западной цивилизации. А это стимул не менее сильный, чем деньги.

– Американцы тоже так считают. Обещали любую помощь. Предложили прислать своих специалистов. Но наши спецслужбы решили, что это будет ненужная демонстрация наших недостатков. Поэтому руководство посчитало нужным найти вас. Такой авторитетный эксперт окажет влияние и на позицию американцев.

– Понятно, – пробормотал Дронго, останавливаясь у разбитой стены. Было ясно, что именно через нее преступники проникли внутрь. – Удивительно, что они не вывезли все бочки, – зло пробормотал он.

– Не успели, – предположил Бадыров. – Хотя, возможно, и не очень хотели. Не забывайте, им еще нужно было отсюда уехать, добраться до железной дороги. С большим грузом они не ускользнули бы незамеченными.

– Стратеги, – проворчал Дронго, трогая руками разбитую стену. – Они сломали стену или взорвали?

– Наши эксперты считают, что сломали. Здесь над нами болото, все протекает. За столько лет стена практически сгнила.

– А если бы контейнеры начали тут разлагаться?..

– Думаю, это было бы лучше. Мы эвакуировали бы отсюда все посты и засыпали хранилище. Вокруг болото, поселок далеко, в озеро отходы попасть не могли, тогда это строго проверяли. А на болото местные не ходят... Я думаю, что хранилище строили с таким расчетом, чтобы через лет пятьдесят его засыпать. Или через сто. Здесь все равно была бы радиация...

Дронго осмотрел пролом в стене. Затем перелез через него в большой зал хранилища. Увидев бочки, аккуратно сложенные рядами, поморщился. Здесь стоял странный запах, словно пахло радиацией и смертью. Он повернулся и полез обратно. Подполковник молча следовал за ним. В нос бил отвратительный запах аммиака.

– Мы проверяли, – крикнул Мукан Бадыров, – здесь тоже нет радиации. Хотя общий фон, конечно, повышенный. Но непосредственной опасности пока нет.

– Будете ждать, когда эти бочки сгниют окончательно? – зло спросил Дронго.

– Нет. Будем перевозить, – спокойно ответил подполковник. – Теперь их нельзя здесь оставлять.

Заметив, что на полу что-то блеснуло, Дронго наклонился. Это оказалась старая, еще донерстроечного времени монета достоинством в три копейки. Он не стал ее поднимать.

Обратно они вернулись быстрее. Уже на поверхности, вдохнув свежего воздуха, Дронго мрачно спросил:

– Как они сюда добирались? У них тоже были вертолеты и джипы?

– Нет, – усмехнулся Бадыров, – у нас такого добра в провинции не бывает. Мы проверили. Они доехали до Таволжана на поезде, а там наняли два грузовика. Их было шестеро. Водитель одного грузовика исчез вместе со своей машиной, мы его до сих пор не можем найти. Второй вернулся домой. Он их ждал в стороне. Его, наверное, взяли для подстраховки. Вместе с ним находилось двое преступников. Одного из погибших он опознал. Они ничего отсюда не вывозили, так он нам рассказывает. Только везли с собой непонятный груз, палатки, лопаты, ломы, чемоданы. А потом они попросили отвезти их на станцию в Павлодар. По дороге к ним подсел еще один человек, и они доехали до города. Щедро расплатились, забрали весь свой груз. Мы считаем, что похищенные отходы находились во втором грузовике, водитель которого

исчез вместе со своей машиной. Сейчас местные власти ищут их по всем дорогам. Водитель и его машина объявлены в розыск.

Дронго сел на землю, подумав, что его итальянский костюм совсем не предназначен для такого рода испытаний. Но жалеть костюм было глупо. Он так устал, что ему требовался пятиминутный отдых. Кто-то дал ему стакан воды, и он жадно выпил, сминая пластиковый стаканчик.

– Мы должны вернуться в Павлодар, – напомнил генерал Кенжетаев. – Туда сегодня прилетает академик Селихов. Это самый известный в мире специалист по ядерному топливу. И по атомным электростанциям.

Дронго согласно кивнул и поднялся, подумав, что вся земля вокруг может быть заражена радиацией.

– Вы уже знаете, куда они могли уехать из Павлодара? – спросил он Бадырова.

– Пока нет, – отозвался подполковник. – Проверяем все направления. Ясно только, что первоначально груз находился на железнодорожной станции. Там его погрузили в товарный вагон. Но куда вывезли – неизвестно. Хотя есть предположения. Трое первых заболевших были выявлены в Караганде, двое других – в Талды-Кургане. Значит, они выбрали южное направление, в этом мы сейчас уверены.

В Павлодар они возвращались на вертолетах. Качка была такой неприятной, что Дронго под конец не выдержал.

– Может, они наконец сядут, а мы дойдем пешком? – со злостью проворчал он.

В Павлодаре их привезли в какой-то дом, очевидно, для гостей областной администрации. Здесь их уже ждали несколько человек, среди которых были руководители области и прилетевший полчаса назад академик Селихов. Было решено, не откладывая, провести совещание в самом большом номере, предоставленном московскому гостю.

Кенжетаев сел справа от Селихова, Решетиллов – слева, взяв его в своеобразные «генеральские клещи». Кенжетаев на правах хозяина представил гостя:

– Это академик Селихов Валентин Алексеевич. Он прилетел специально, чтобы помочь нам в решении нашей проблемы, – пояснил генерал.

У академика было полное, рыхлое лицо, большие залысины, умные, добрые глаза, курносый нос, полные щеки. Он постоянно поправлял очки и время от времени сбивался на менторский тон, словно находился среди своих аспирантов. Было заметно, что Селихов волнуется. Очевидно, его уже посвятили в суть проблемы. Сидящий около Кенжетаева руководитель областной администрации, суровый мужчина лет сорока пяти, все время хмурился, словно случившееся каким-то непонятным образом бросало тень на доброе имя их области.

Дронго решил, что пора начинать беседу, иначе он прямо в этой комнате заснет. Сказывались вторые сутки без сна. Среди находящихся в номере были его напарник Пьеро, подполковник Бадыров, еще несколько незнакомых мужчин и две женщины. Одна из них, лет пятидесяти, слушая Селихова, старательно записывала его слова. Дронго подумал, что она, очевидно, из какого-нибудь научно-исследовательского института и, вероятно, прилетела сюда вместе с академиком. У нее были светлые волосы, стянутые на затылке резинкой. Вторая женщина помоложе – лет тридцати, с характерной восточной внешностью. Тоже внимательно его слушала, но ничего не записывала. Когда Бадыров вошел в комнату, первой в знак приветствия он кивнул ей. Дронго подумал, что, вероятно, это его сотрудница, и отметил, что подполковник подобрал очень симпатичную женщину. У нее были красивые раскосые глаза, густые темные волосы, чувственные губы. Все ждали вопросов Дронго, понимая, что отныне главная ответственность за поиски похитителей отходов лежит на нем.

– Как вы считаете, Валентин Алексеевич, это очень опасно? – прежде всего спросил он. – Я не специалист, и моих гуманитарных образований не хватит для понимания ваших сложных

технических вещей. Я хочу, чтобы вы просветили нас хотя бы в общих чертах, с чем мы имеем дело, и мы наконец поняли, что нам нужно искать и с чем придется столкнуться.

– Это несложно, – охотно отозвался академик. – На любой атомной электростанции, использующей ядерное топливо, остаются отходы, которые затем вывозятся и складываются в специальных хранилищах. Разумеется, эти хранилища должны хорошо охраняться, а переработанное топливо – содержаться там в специальных контейнерах, чтобы не допустить соприкосновения его с водой или землей.

– Что произошло в нашем случае?

– Сейчас расскажу. – Академик поправил очки и начал говорить так, словно стоял на кафедре перед студентами. – Как вам, наверное, известно, первая атомная станция была открыта в Обнинске двадцать седьмого июня пятьдесят четвертого года. До этого момента обычная энергия атомного ядра использовалась исключительно в военных целях. В августе пятьдесят пятого состоялась первая Международная конференция в Женеве по мирному использованию атомной энергии. Затем были введены в эксплуатацию атомные электростанции в Колдер-Холле в Великобритании и в Шиппингпорте в США. У нас в пятидесятые и шестидесятые годы построили Сибирскую АЭС, Нововоронежскую. В Ульяновской области такая станция была сооружена в Мелекессе, а затем там же был построен опытный реактор на быстрых нейтронах. И тогда же перед нами встала серьезная проблема хранения ядерных отходов.

– До этих пор все понятно, – кивнул Дронго. – А теперь расскажите, пожалуйста, об этом топливе.

– Начнем с ядерного реактора, – предложил академик. – Это место, где происходит деление атомных ядер, то есть реакция, в результате которой выделяется энергия. Все ядерные реакторы условно можно разделить на два типа. Первые работают на тепловых нейтронах, вторые – на быстрых. В первом случае ядерные стержни окружены материалами, которые должны уменьшать энергию нейтронов, так называемые замедлители. Лучшими из них считаются дейтерий и изотопы водорода. А когда используются быстрые нейтроны, то замедлитель не нужен, сама цепная реакция поддерживается за счет повышенного содержания делящегося материала в урановом топливе.

– Подождите, – попросил Дронго, – здесь я начал чувствовать себя идиотом. Пока все было понятно. Для работы ядерного реактора нужно иметь ядерное топливо. Это я уяснил. А какой вид топлива? Что могло находиться в этом хранилище?

– Отходы ядерного топлива, – ответил Селихов. – Дело в том, что сейчас в реакторах используют ядерное топливо в виде смеси диоксида урана и диоксида плутония или искусственного изотопа, который получают из тория. При обогащении уран переводится в форму гексафторида урана, и затем при нагреве происходит процесс диффузии урана, который в газообразном состоянии проникает через пористую перегородку из состояния с высокой концентрацией в состояние с низкой концентрацией. При этом легкие молекулы проникают гораздо быстрее тяжелых молекул...

– Я слышал, что иногда применяются высокоскоростные центрифуги, – вставил Дронго. Селихов изумленно взглянул на него.

– Bravo! А вы совсем не такой, каким хотите казаться. Да, действительно, мы применяем центрифуги, чтобы более легкий газ скапливался в их центральной части. Само ядерное топливо располагается внутри топливных элементов на основе урана. Отработанное топливо обычно удаляют из активной зоны реактора на переработку. Вот здесь-то и появляется самый неприятный для нас момент, так как топливные отходы после отделения урана и плутония сохраняют очень опасный уровень радиации еще в течение большого времени. Вот почему во всем мире так остро и стоит проблема утилизации этих отходов.

– А как долго сохраняется уровень радиации? – поинтересовался Кенжетаев. – Год, два, десять, двадцать? Может, через тридцать или сорок лет это топливо уже не так опасно?

– Опасно, – упрямо возразил академик, – исключительно опасно. По нашим данным, смертельный уровень радиации может сохраняться около шести-семи веков. Примерно семьсот лет.

Кенжетаев даже крикнул от неожиданности и изумленно посмотрел на своего российского коллегу. Тот пожал плечами. Такой срок оба генерала восприняли как шоковое известие. Семьсот лет...

– Из похищенного материала можно изготовить ядерную бомбу? – прямо спросил Решетилов. – Скажите: да или нет.

– Можно, – не задумываясь, ответил Селихов. – Даже если у них нет ракеты-носителя. Достаточно разместить эти отходы в крупном городе и устроить небольшой взрыв. Радиация будет такая, что вокруг гарантированно погибнут миллионы людей. Это очень опасно. Террористам даже не нужно ничего придумывать. А если они сумеют использовать и плутоний... – Он развел руками и как-то особенно беспомощно поправил очки.

– Договаривайте, – потребовал Решетилов, – что вы хотели сказать?

– В реакторах-размножителях на быстрых нейтронах обычно используется плутоний, – пояснил академик. – Он получается, когда атом урана поглощает нейтрон, образуя плутоний. Или его получают из нептуния. В любом случае эта масса означает либо сырье для ядерного топлива, либо сырье для ядерной бомбы. Тут нет никакого отличия. Все процессы абсолютно идентичны.

– То есть они могут создать ядерное оружие? – уточнил российский генерал.

– Боюсь, они его уже имеют, – признался Селихов. – А если там еще задействован Ахмед Парвиз, то результат предсказать несложно. Я встречался с ним в Англии, он действительно выдающийся ученый.

Генералы переглянулись. Было заметно, что они сильно встревожены.

– Спасибо, – первым не выдержал Кенжетаев. – Я обязан доложить обо всем президенту нашей страны.

– А я должен позвонить в Москву, – поднялся следом за ним Решетилов.

В абсолютной тишине оба генерала вышли из комнаты. Следом за ними выбежал руководитель областной администрации. Наступило тягостное молчание.

– Я что-то сказал не так? – спросил Селихов.

Все смотрели на Дронго. Даже Мукан Бадыров. После ухода генералов он остался старшим по званию. Но все смотрели на гостя, ожидая его распоряжений. Словно он мог сказать нечто самое важное. Дронго покачал головой.

– Все правильно, – произнес он, – просто очень страшно. Если сейчас эта бомба уже устанавливается в одном из мегаполисов... Представляете степень нашей ответственности? А мы здесь сидим и рассуждаем, что может случиться...

– Я могу вам ответить, – печально проговорил академик. – Если такую бомбу установят в центре многомиллионного города, то треть населения сразу погибнет в невероятных мучениях, а половина из оставшихся будет умирать от нее еще много лет. Это статистика, с ней трудно спорить.

Глава 5

В этот вечер Дронго не явился на ужин, чтобы отоспаться за два дня и отойти от множества перелетов. И, провалившись в сон, проспал целых одиннадцать часов. Утром за завтраком он был молчалив и сосредоточен. На десять утра с согласия Бадырова Дронго назначил совещание группы, чтобы понять, по каким направлениям они работают. «Пьеро», занимавший соседнюю комнату, неслышно позавтракал и устроился в углу комнаты, где они должны были встретиться. Казалось, его не волнует ничего, кроме прошлогодних журналов, которые он молча и сосредоточенно просматривал. Обычно Дронго не представлял его остальным, ибо не мог о нем сказать ничего конкретного. А его напарник вел себя так, словно его ничего не интересует. Однако Дронго замечал, как внимательно «Пьеро» прислушивается ко всему, что происходит рядом с ним. Прислушивается, не подавая вида.

Вот и сейчас он сидел в углу, продолжая изучать старый журнал, так, будто ничего более занимательного никогда не видел.

В комнату вошли Мукан Бадыров и четверо его сотрудников. Все чинно устроились за столом. Дронго улыбнулся. Они были похожи на студентов, пришедших к строгому преподавателю. С одной стороны, ему это было приятно, с другой – грустно. Чувствовать себя в сорок пять лет таким наставником немного обидно. Среди вошедших была и вчерашняя молодая женщина, на которую он обратил внимание.

– Это наши сотрудники, – объявил Мукан Бадыров и представил каждого. – Старший следователь майор Олег Пашко. – Он показал на светлоусого коренастого мужчину лет сорока. – Следователь капитан Султан Есбатыров. – Второй офицер был высокого роста и черноусый. – Старший лейтенант Сергей Тумасов. – Этот мужчина был молодой, не старше двадцати восьми лет. Он счастливо улыбался, словно уже получил награду. – И старший лейтенант Галия Рахимджанова. – Подполковник показал на молодую женщину.

– Очень приятно. – Дронго обернулся. Его напарник по-прежнему листал старый журнал. – А это мой помощник, – нехотя выдал Дронго, – Николай Дубов.

Пьеро, не поднимая головы, кивнул. Мукан улыбнулся, кажется, он понял, какие бывают «помощники» в столь сложном деле.

– Давайте приступим к делу, – предложил Дронго. – Насколько я понял, все облученные оказались в больницах, находящихся на юге вашей страны. Правильно?

– Да, – подтвердил Бадыров. – Трое первых облученных были выявлены в Караганде, затем еще двое – в Талды-Кургане. Мы считаем, что груз вывозили в южном направлении. Очевидно, в дороге произошла разгерметизация одного из контейнеров, и все сопровождавшие груз получили сильную дозу облучения.

– Южное направление, – задумчиво повторил Дронго. – Если судить по маршруту, то он не совпадает с тем списком, который вы мне дали. И с моим списком тоже не совпадает. Вы проверили поезда, которые шли на юг?

– Проверяем, – кивнул Бадыров. – По моему указанию проверяются все составы, которые в тот день прошли на юг через Павлодар. Я даже распорядился, чтобы наши сотрудники вооружились счетчиками Гейгера и определяли уровень радиации в каждом вагоне. Возможно, разгерметизация прошла в пути, тогда такой вагон просто опасен для окружающих.

– Очень хорошо, – кивнул Дронго. – Есть результаты?

– Почти нет. Мы нашли сразу несколько вагонов, где фон выше, чем в остальных, но не настолько, чтобы люди там могли облучиться. Проверка продолжается, однако уже сейчас можно сказать, что разгерметизация контейнеров не могла произойти в вагоне.

– Тогда выходит, что она произошла где-то в другом месте, – подвел неутешительный итог Дронго. – У вас есть крупная карта Средней Азии? Или вашей страны?

– Конечно. – Бадыров взглянул на Тумасова, и тот, достав карту из своей папки, разложил ее на столе.

Дронго глянул на названные города, оба южных областных центра оказались довольно далеко от Павлодара.

– Если предположить, что мы все не ошибаемся, – задумчиво произнес он, – и наши эксперты, и ваш покорный слуга. Тогда выходит, что террористы решили двинуться на юг. Из Талды-Кургана они могли перевезти груз в Алма-Ату. А из Караганды... – он провел пальцем по красной ниточке, означающей железную дорогу, вниз, – они могли отправиться в Бишкек, столицу Киргизии, или в Ташкент...

Все пятеро смотрели на него словно в ожидании чуда.

– Американская база рядом с Бишкеком, – неожиданно напомнила Галя. – Они могли двинуться туда.

– Возможно, – согласился Дронго. Ему понравилась ее смелость и находчивость.

– Среди погибших был узбек, – сказал Бадыров. – Возможно, они повезли груз в Ташкент. Чтобы попытаться нанести удар по режиму Ислама Каримова.

– Так, давайте договоримся о терминах, – предложил Дронго. – Не будем употреблять такие слова, как «режим». Я понимаю, что демократия в Средней Азии имеет свои специфические черты, знаю, что все правители здесь несменяемые и пожизненные, кроме правителей Таджикистана, где была гражданская война. Но даже и в этом случае предлагаю воздержаться от политических комментариев. Наша задача – найти бомбу прежде, чем она где-то сработает, и выловить преступников.

– Согласен, – улыбнулся Муқан, – считайте, что это у меня вырвалось случайно. Больше ничего подобного не скажу.

– Военная база американцев в Киргизии – очень неплохая цель, – продолжил Дронго. – Показать американцам, что не все рады их появлению в Средней Азии. Эффект был бы громкий. Неплохо, неплохо. Но, думаю, это слишком локальная цель. К тому же те, кто планирует подобные террористические акты, умеют здорово просчитывать и результативность от их проведения, и долговременные последствия. Предположим, террористический акт удался. Что это дает террористам? Временную передышку. Американцы все равно не уйдут из Средней Азии, но их положение там будет значительно ослаблено, чем немедленно воспользуется Россия. В данном случае я пытаюсь рассуждать с точки зрения террористов. А Москву они не любят так же, как Вашингтон. Поэтому не стоит недооценивать их ум. Так что закладка пропавших контейнеров на американской базе маловероятна. Хотя такой вариант мы должны иметь в виду. – Он помолчал, оглядывая собравшихся. Сидящий за спиной в углу комнаты Пьеро немного его нервировал. Но Дронго твердо решил не поворачиваться в его сторону. Затем продолжил: – Предположим, аналитики двух спецслужб не зря едят свой хлеб. Предположим, и я кое-что понимаю в этих преступлениях, поэтому мой список совпал со списком аналитиков. А тогда выходит, что контейнеры должны сейчас находиться далеко за пределами Казахстана. Это значит, что их могли вывезти только на самолетах. Из той же Алма-Аты или из Бишкека. Тогда становится понятно, почему облученные появились в Караганде. Они решили уехать как можно дальше, чтобы не вызывать подозрений.

– Мы проверяем и все самолеты, – перебил его подполковник Бадыров, – и хотя там общий фон радиации гораздо выше, чем в поездах, ничего особенного найти тоже не удалось.

– Вы просто злой гений, – устало упрекнул его Дронго. – На любое мое предложение моментально находите ответ, сообщая, что уже проверили или собираетесь проверить мою версию. Давайте пойдем дальше. Контейнеры не могли хорошо сохраниться в той сырости, в какой они находились. Выходит, перевозимый груз оставлял следы, которые мы обязаны найти. Вы проверили самолеты государственной авиакомпании или и все остальные лайнеры тоже?

– Что значит остальные? – не понял подполковник.

– Частных компаний, – пояснил Дронго, – различных перевозчиков, в том числе и иностранных. Похитители отходов могли нанять самолет через западные страховые компании. Такой вариант вы исключили полностью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.